

Ну, храни Вас Бог. Желаю Арк<адью> Анд<реевичу> скорей поправиться. Жду Вас в Царское....

Весь Ваш И. Анненский.

№ 6.

8 марта 1907.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогая Екатерина Максимовна,

Не откажите, пожалуйста, написать хоть несколько слов о Вашем здоровье, но только дайте точные сведения по следующим пунктам:

1. Как Ваше самочувствие?
2. Что сказал доктор? Неделя испытания окончилась сегодня, не правда ли?
3. Можно ли Вам разговаривать?

Я пишу обо всем этом, п<отому> ч<то> меня очень беспокоит Ваше недомогание, а приехать узнать некогда. За мою поездку в Вел<икий> Уст<юг> накопилось так бесконечно много дел по Уч<еному> Ком<итету> и Окр<угу>, что я начинаю немножко тяготиться процессом, который по какому-то недоразумению принято называть жизнью, хотя чем он отличается от простого и даже темного сторания, я совершенно не знаю.

Прочитал на днях (в конце праздников) «Иосифа» и написал Павлу Павловичу на трех листах разбор этой очень замечательной книги¹⁹. Третьего дня наткнулся на «Шиповник» и занозил мозг «Жизнью человека»²⁰. Вещь неумная, а главное, вымученная. Совершенно не понимаю, для чего было ее писать, а еще менее, зачем было тратить тысячи на ее постановку? Если так нужен был этот лубочный дидактизм, — то не проще ли было взять любую притчу или пролог. Разве не дадут они гораздо более глубоких контрастов (напр<имер>, богач и Лазарь), — я уже не говорю о более трогательной поучительности и более чуткой морали. Вместо всех бесцветных старух, людей в сером и т. д., насколько символичнее было бы гноище Иова и сиреневые крылья серафима с глубокими черными глазами и нежным овалом лица...

Зачем я пишу Вам все это? Все эти эстетические вопросы затушевались для Вас моралью. Мне жалко Вашей души. Нет, не думайте, что жалко из ревности, потому что она уходит от моей, — от нашей голубой шири. Мне грустно потому, что она обрывает свои крылья. Впрочем, м<ожет> б<ыть> Вы правей меня и лучше видите, куда идти.

Не слушайте меня, милая... Идите, куда влечет Вас Ваша мысль. Право, иной раз мне страшно: уж не являюсь ли я в сущности истинным деспотом со всей моей хваленой эстетической свободой. Да еще если бы я сам точно в чем-нибудь был уверен.

И. А.

№ 7.

2/III 1908

Царское Село, д<ом> Эбермана.

Дорогая, Вы хотите, чтобы я Вам писал о творчестве. Как мало, по моему, отъемлются от чуда его заповедные уголки, куда является со своими измерительными приборами физик или психолог, так и в вопросе о вдохновении и особой творческой деятельности поэта давно уже гнездится сомнение в полноценности заслуг того человека, который закрепляет своим именем невидную работу поколений и масс. Поэтика начала с сюжетов, позже возник вопрос о заимствованиях и реминисценциях. Опре-